

**GREAT
& TRUE**

Серия книг «GREAT&TRUE»
Великие истории, которые потрясли мир

Дэниел Джеймс Браун

МАЛЬЧИКИ В ЛОДКЕ

Девять гребцов-любителей сотворили чудо
на гитлеровской Олимпиаде

Москва
2017

УДК 797.12(091)(73)
ББК 75.717.7
Б87

The Boys in the Boat
by Daniel James Brown

Браун, Дэниел Джеймс.
Б87 Мальчики в лодке / Дэниел Джеймс Браун ; [пер. с англ. Д. Д. Тиликановой]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 368 с. : ил. – (Great&True).

ISBN 978-5-699-91791-4

Книга о любительской команде гребцов из США, которые в тяжелой схватке выиграли золотую медаль на Олимпийских играх 1936 года. В книге две параллельные истории: первая – о молодых гребцах, которые никогда не занимались профессиональным спортом, и о том, как они пришли к Олимпийским играм. Вторая – о гитлеровской одержимости доказать всем превосходство арийской нации и организованных для этого Олимпийских играх.

**УДК 797.12(091)(73)
ББК 75.717.7**

ISBN 978-5-699-91791-4

© Blue Bear Endeavors, LLC, 2013. All rights throughout the world are reserved to Blue Bear Endeavors LLC
© Тиликанова Д.Д., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	8
ЧАСТЬ I. 1899–1933.	
ЧЕРЕЗ ЧТО ОНИ ПРОШЛИ	11
Глава первая	13
Глава вторая	31
Глава третья.....	44
Глава четвертая	57
Глава пятая	73
ЧАСТЬ II. 1934	
ГИБКОСТЬ.....	83
Глава шестая	85
Глава седьмая	106
Глава восьмая	126
ЧАСТЬ III. 1935	
САМОЕ ВАЖНОЕ	147
Глава девятая	149
Глава десятая.....	171
Глава одиннадцатая.....	189
Глава двенадцатая	202
ЧАСТЬ IV.	
ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ.....	223
Глава тринадцатая	225
Глава четырнадцатая.....	246

Глава пятнадцатая	268
Глава шестнадцатая	288
Глава семнадцатая	311
Глава восемнадцатая	331
Глава девятнадцатая	340
Эпилог	344
Послесловие	357
Алфавитный указатель	360

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Гордону Адаму, Чаку Дэю, Дону Хьюму,
Джорджу «Шорти» Ханту, Роджеру Моррису,
Джиму «Стабу» Макмиллину, Бобу Моку,
Джо Ранцу, Джону Уайту-младшему.*

*И всем выдающимся и полным надежд
юношам 1930-х годов – нашим отцам,
дедам и друзьям того поколения*

Академическая гребля – это величайшее искусство. Самое изящное из искусств. Это симфония движения. И когда ты гребешь хорошо, то приближаешься к совершенству. И когда ты приближаешься к совершенству, то достигаешь божественного начала. И тогда оно проникает в самые потаенные уголки твоей сущности – те, которые зовутся душой.

Джордж Йеоманс Покок

Каждый новый день я изнемогаю от желания повернуть домой, с невероятным томлением я жду дня своего возвращения... ведь я так много трудился и страдал от стольких нападений на бурных волнах морских.

ГОМЕР

ПРОЛОГ

В подобном виде спорта, где тяжелая работа не принесет всемирной славы или громкого имени, который, однако, все-таки был и будет популярен во все времена, – в нем просто должна быть такая красота, которая не откроется простому обывателю и которую могут видеть только выдающиеся люди.

Джордж Йеоманс Покок

Идея этой книги родилась поздней весной, в холодный, дождливый день. В тот самый день, когда я перелез через бревенчатую изгородь, окружавшую обширное пастбище, и направился через мокрый лес к скромному деревянному домику, где лежал при смерти Джо Ранц.

Когда я впервые постучал в дверь домика Джуди – его дочери, я знал о Джо только два факта. Я знал, что в свои далеко за семьдесят он в одиночку стащил с горы целую кучу кедровых бревен, разрубил на горбыли, настрогал жерди и соорудил изгородь для пастбища около 700 метров в длину, ту, через которую я только что перелез. Каждый раз, думая об этом, я до сих пор качаю головой, поражаясь такому титаническому труду, проделанному одним человеком. А еще я знал, что он был одним из девяти молодых людей – сыновей фермеров, рыбаков и дровосеков из штата Вашингтон, – которые повергли в шок как весь мир гребного спорта, так и самого Адольфа Гитлера, завоевав на Олимпийских играх 1936 года золотую медаль в дисциплине академическая гребля в восьмерках.

Джуди открыла дверь и проводила меня в небольшую уютную гостиную, где Джо, седой старик ростом почти два метра, отдыхал в кресле с откидной спинкой, вытянувшись во весь рост и подняв ноги наверх. На нем был серый тренировочный костюм и ярко-красные пуховые ботинки. У него была довольно редкая борода, болезненного, землистого цвета кожа и глаза, заплывшие из-за застойной сердечной недостаточности, от которой он и умирал. Рядом с креслом стоял кислородный баллон. В печи, объятые пламенем, шипели и щелкали дрова. На стенах гостиной висели старые семейные фотографии. У дальней стены стоял сервант, за стеклянными дверками которого были составлены фарфо-

Тренировка команды Вашингтонского университета, 1929

ровые куклы, фигурки лошадей и столовый сервиз с цветочным орнаментом. За окном, выходящим в сторону леса, накрапывал дождь. В углу тихонько играл старые джазовые мелодии тридцатых и сороковых годов кассетный магнитофон.

Джуди представила меня, и Джо протянул в знак приветствия невероятно длинную и тонкую руку. Джуди как-то читала ему вслух одну из моих книг, и он захотел встретиться со мной. По какому-то невероятно стечению обстоятельств, в молодости Джо был хорошим другом Ангуса Хэя-младшего – сына человека, который является центральным персонажем моей предыдущей книги. Мы поговорили об этом немного, а потом наш разговор плавно перешел на его собственную жизнь.

Голос старика был очень слабым и сиплым, Джо был изнурен почти до предела. Время от времени он замолкал, однако понемногу, с осторожными подсказками дочери, начал медленно вытягивать из памяти некоторые подробности своей истории жизни. Вспоминая свое детство и отрочество во времена Великой депрессии, он сбивчиво, но настойчиво рассказывал о череде трудностей, которые он пережил, о тех препятствиях, которые преодолел, и этот рассказ, по мере того как я делал заметки у себя в блокноте, все больше и больше меня поражал.

Но только тогда, когда Джо начал говорить о своей карьере гребца в Вашингтонском университете, редкие слезы стали катиться по его лицу. Он говорил о том, как парней обучали мастерству гребли, о лодках и веслах, о тактике и технике. Он вспоминал о долгих, холодных часах, проведенных под серо-стальным небом на воде озера Вашингтон, о выдающихся победах и сокрушительных поражениях, которых они всеми силами старались избегать, о путешествии в Германию, о его товарищах и о том, как они маршировали под строгим взглядом Гитлера на Олимпийском стадионе в Берлине. Однако ни одно из этих воспоминаний не вызывало у него слез. Только тогда, когда он говорил о «лодке», его голос начинал срываться и дрожать, а глаза наполнялись слезами.

Сначала я думал, что он имеет в виду «Хаски Клиппер», гоночное судно, на котором он и его соратники пришли к победе. Потом я решил, что он имеет в виду свою команду, потрясающее объединение молодых людей, которые совершили одно из самых невероятных достижений в истории гребного спорта. Но, в конце концов, глядя, как Джо снова и снова борется с волнением, я понял, что под словом «лодка» он подразумевает нечто большее, чем просто судно или его команду. Для Джо это слово объединяло и даже превышало оба эти понятия – это было нечто необъяснимое, практически непостижимое. Это был их обобщенный опыт – единственная вещь, которая ярким пятном светилась в том золотом промежутке времени, давно ушедшем, в том времени, когда девять добродушных молодых парней вместе стремились и все как один шли к победе, отдавали последнее, что у них есть, друг другу и навсегда остались соединены гордостью, уважением и любовью. Джо плакал в какой-то степени о том, что этот величественный момент остался в прошлом, как и его чистая красота, которую ему довелось испытать.

Когда я собрался уходить в тот вечер, Джуди достала золотую медаль Джо из секретера, стоявшего у стены, и подала мне ее. Пока я любовался наградой, она рассказала мне, что медаль пропала много лет назад. Вся семья обыскала дом сверху донизу, и не один раз, и все уже смирились с утратой. И только несколько лет спустя, когда делали ремонт в доме, то нашли ее, спрятанную в каком-то утеплителе на чердаке. Оказалось, что белке понравилось сверкание золота, и она утащила медаль и зарыла ее в гнездо как свое личное сокровище. И когда Джуди рассказывала мне об этом случае, я подумал, что история Джо, так же как и медаль, была спрятана от людей слишком долго.

Я еще раз поддал руку Джо на прощание и сказал, что очень хотел бы вернуться и поговорить с ним еще и что хотел бы написать книгу о том времени, когда он занимался греблей. Джо опять крепко сжал мою руку и сказал, что ему нравится идея, но внезапно его голос сорвался еще раз, и он мягко попросил меня: «Только пусть она будет не только обо мне. Она должна быть о «лодке».

Часть I
1899–1933

ЧЕРЕЗ ЧТО ОНИ ПРОШЛИ

Лодочная станция в Вашингтоне, 1930-е

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так как я занимался греблей с двенадцати лет и с тех пор не бросал ее, мне кажется, я могу говорить авторитетно о скрытых ценностях гребли – о социальных, моральных и духовных принципах этого старейшего из синхронных видов спорта. Ни одно академическое обучение не сможет вместить эти ценности в душу молодого человека. Он должен осознать и принять их через свои собственные наблюдения и уроки своей жизни.

Джордж Йеоманс Покок

Утро понедельника, 9 октября 1933 года, в Сиэтле было мрачным. Мрачное утро в мрачные времена.

Вдоль всего портового района гидросамолеты транспортной компании «Горст Эйр» медленно взлетали с поверхности заливов Пьюджет-Саунд и направлялись на запад, низко пролетая под облачной завесой, и короткими рывками добирались до военно-морских верфей в Брементоне. Паромы уезжали из Дока Колмана по воде, такой же тусклой и унылой, как старые посудины. В центре города башня Смита пронизывала хмурое небо, словно воздетый к нему палец. Мужчины в потертых пиджаках, изношенных ботинках и потрепанных фетровых шляпах приезжали в деревянных телегах на обочины перекрестков, где проводили день, продавая яблоки, апельсины и упаковки жвачки по несколько пенни за штуку. А прямо за углом, на крутом подъеме дороги Юслер Уэй, одной из самых старых бревенчатых дорог, в районе притонов и ночлежек, в длинных очередях стояли толпы людей с опущенными головами, разглядывая мокрые тротуары и тихонько разговаривая между собой, они ждали открытия благотворительной кухни. Грузовики из газеты «Сиэтл Пост-Интеллиженсер» гремели, проезжая по вымощенным камнем улицам и оставляя за собой кипы газет. Мальчишки-газетчики в шерстяных кепках таскали их к людным перекресткам, трамвайным остановкам и входам в отели, где, потряхивая газетами в воздухе, сбывали их по два цента за номер, выкрикивая при этом заголовков с главной страницы: «15 000 000\$ необходимо, чтобы вывести США из кризиса».

Через несколько кварталов к югу от района Юслер, в трущобах, раскинувшихся вдоль залива Элиот Бэй, дети просыпались в сырых картонных коробках, которые служили им постелями. Их родители выби- рались из картонных лачуг, пропитанных смолой и оловом, и их тут же обдавало зловонием сточных вод и гниющих водорослей, которые при- бивало сюда с грязного побережья на западе. Бедняки разламывали де- ревянные ящики и, склоняясь над дымными кострами, кидали ото- рванные доски в пламя. Они возводили глаза к однообразному серому небу и, замечая признаки грядущих холодов, спрашивали себя, как им пережить еще одну зиму.

К северо-западу от центра, в старом скандинавском районе Баллард, буксиры, извергая шлейфы черного дыма, медленно тянули длинные груды бревен в шлюзы, которые затем поднимали их на уровень озера Вашингтон. Но песчаные верфи, сгрудившиеся вокруг шлюзов, были практически заброшенными, там не было слышно ни звука. В бухте Салмон, сразу на востоке, десятки и сотни рыбацких лодочек, которы- ми не пользовались месяцами, покачиваясь, стояли у причалов, и кра- ска облезала с их мокрых боков. В районе Финни Ридж, возвышавшем- ся над Баллардом, дым кольцами поднимался из железных и кирпич- ных дымоходов сотен скромных домов и смешивался с туманом над землей.

Шел четвертый год Великой депрессии. У каждого четвертого работо- способного американца – а это десять миллионов человек – не было ни работы, ни перспектив ее найти, и только четверть из них получали хоть какую-то социальную помощь. Объемы промышленного производства сократились за эти четыре года в два раза. По самым скромным подсче- там, миллион человек, а говорили, что и два миллиона, не имели крыши над головой, жили на улице или во временных поселениях, таких, как трущобы Сиэтла. Во многих американских городах было просто невоз- можно найти работающий банк – почти все были временно закрыты; сбережения бесчисленного количества американских семей навсегда ис- чезли за их заколоченными дверями. Никто не мог сказать, когда, да и вообще закончатся ли эти тяжелые времена.

И это, возможно, было самое худшее. Был ли ты банкиром, который ел булочки на завтрак, или булочником, который их пек, строил дома или был бездомным – это ощущение не оставляло тебя день и ночь – без- жалостная, внушающая ужас неуверенность в будущем, чувство, что земля может в любой момент навсегда уйти у тебя из-под ног и оставить ни с чем. В марте вышел фильм, который по странному совпадению подходил под всеобщее настроение и имел сногшибательный успех – «Кинг-Конг». По всей стране перед кинотеатрами выстроились длинные очереди, люди всех возрастов отдавали драгоценные четвертаки для то- го, чтобы увидеть историю огромного, безумного чудовища, которое вторглось в цивилизованный мир, захватило его обитателей в могучие когти и оставило болтаться над бездной.

Городские трущобы Сиэтла

Были и проблески лучших времен, но они пока так и оставались проблесками. Показатели на бирже поднялись ранее в этом году, промышленный индекс Доу Джонс совершил рекордный за все время скачок в пределах одного дня на 15,34% и 15 марта достиг 62,10 пункта. Но американцы были настолько экономически подорваны за период с 1929 и до конца 1932 года, что почти все думали, и, как впоследствии оказалось, думали верно, что еще пройдет немало времени – целых двадцать пять лет, – прежде чем индекс опять поднимется до прошлых 381 пункта. Да и в любом случае цена за акцию «Дженерал электрик» абсолютно не волновала большинство американских граждан, у которых не было вообще никаких акций. Для них имело значение лишь то, что сейфы и жестяные банки под их кроватями, в которых они теперь предпочитали держать то, что осталось от их сбережений, все чаще и чаще оставались практически пустыми.

В Белом доме восседал новый президент – Франклин Делано Рузвельт, дальний родственник самого оптимистичного и энергичного из президентов, Теодора Рузвельта. И сам Франклин заступил на пост, переполненный энтузиазмом, выдвигая целую кучу слоганов и программ. Но и его предшественник, Герберт Гувер, выражал в свое время такой же оп-